

ПРОЛОГ

Я проснулся как обычно — без пятнадцати семь. Открыл глаза, несколько минут лежал, глядя в потолок, а затем повернулся на бок и протянул руку к смартфону. И лишь коснувшись своего НТС кончиками пальцев, внезапно вспомнил, что мне совершенно незачем смотреть, сколько там времени. Ну совершенно незачем. Потому что с сегодняшнего дня я безработный...

Все-таки бросив взгляд на вспыхнувший в темноте экран (ну, чтоб не зря тянулся) и зафиксировав, что проснулся точно как обычно, я еще немного полежал с закрытыми глазами, пытаюсь заснуть, но сон уже окончательно развеялся — пришлось все-таки встать и открыть окно. В лофт тут же ворвались морозный воздух и шум проснувшегося города. Я несколько мгновений постоял у окна, дожидаясь, пока чуть продрогну, затем начал энергично размахивать руками и приседать. Зарядка или, скорее, разминка заняла привычные сорок минут, дальше был холодный душ, после чего я, также как обычно, спустился в кафетерий, где чаще всего

завтракал, если ночевал дома. В принципе, он открывался в семь тридцать, но до восьми-девяти посетителей там было раз, два и обчелся, так что основной персонал приходил к половине девятого, а в семь тридцать появлялись только повар и один официант, отпиривший двери и потом скучавший час-полтора с редкими завсегдатаями. Наш дом считался элитным, и цены в кафетерии были соответствующие, то есть большинству «менеджеров» не по карману. А большинство из тех, кому они были по карману, предпочитали жить «по куршевельскому времени» — продирали глаза часам к десяти-одиннадцати и только к полудню сползались на «утренний» кофе. Ну, или заказывали его в свою квартиру. Я был одним из немногих ранних посетителей, и за четыре года, прошедших после того, как купил это жилье, весь персонал кафетерия я выучил наизусть, несмотря на свои нередкие и порой довольно долгие командировки.

Сегодня очередь открывать двери выпала Нюше. Она привычно улыбнулась мне и дежурно произнесла:

— Доброе утро, Алексей Андреевич, вам все как обычно?

Я так же привычно улыбнулся в ответ:

— Да, конечно, Анечка, — после чего сгреб с подставки бесплатные «Известия» с рыжеватой вкладкой «Финансовых известий» и, усевшись на свое, можно сказать, намоленное место в глубине зала, развернул хрустящий лист, все так же привычно выискивая взглядом колонки лондонской и нью-йоркской бирж. Человек — раб привычки. Пусть мне это теперь и не надо, но...

Когда Ньюша принесла омлет с грибами и кофе, я отложил газету и принялся наблюдать, как она ловко все расставляет на столе. Еще пару дней назад я бы уже терзал смартфон, раздавая указания Георгию и Нине, а заодно поднимая по тревоге юротдел. Никель снова упал в цене, и серьезно, хотя аналитики в один голос утверждали, что цена на него достигла дна еще к прошедшим выходным. При такой цене норвежские рудники практически провалились ниже предела рентабельности, что неминуемо означало резкое падение стоимости их акций. Так что наклевывался неплохой шанс округлить активы, купив еще одну европейскую компанию. Но сейчас...

Омлет с трюфелями и крепчайший «Маунтин блю» сегодня проскочили в желудок как безвкусная овсянка. Я некоторое время посидел, размышляя, чем бы заняться, и бездумно гоня пальцем по столу свой НТС. Ньюша, прискакавшая собрать грязную посуду, поинтересовалась:

— Опять куда-нибудь летите?

— Что? — не понял я.

Нюша покраснела:

— Ну, вы обычно как позавтракаете, так сразу в машину, а задерживаетесь, только когда улетаете.

Я несколько мгновений недоуменно смотрел на девушку, потом улыбнулся. Ну надо же, какие аналитики здесь в кафе работают. И все-то они знают!

— Нет, сегодня я никуда не лечу. Просто... торопиться некуда, — не углубляясь, пояснил я. А когда Ньюша отошла, задумался. Может, и вправду куда-нибудь слетать? Скажем, в том же Куршевеле сезон еще не кончился, зато все пафосные рожи уже рассосались. Или на Мальдивы рвануть? Не как обычно, выспаться, а так, нормально — взять акваланг, поплавать, покормить огромных мант... Прихватить с собой какую-нибудь длинноногую из «ищущих» и рвануть. Ей, конечно, ничего не обломится, но эти «модели, актрисы и телеведущие» — бабы простые и ласковые, вполне готовы обслужить по полной просто за недельку комфортного пребывания в хорошем отеле. Ну и за висюльку с брюликом. Вот если они вдруг посчитают, что брюлик мелковат, — тогда да, жди скандала. Их ведь волнует не то, что они продаются, девочки страшно боятся другого — как бы не продаться задешево... Ну да на эти мелочи деньги у меня были. И чем не выход? Все равно ведь делать нечего.

Но это были мысли на потом, на через несколько дней или как минимум часов, а вот чем мне заняться сейчас, я совершенно не представлял. Бориса на сегодня я отпустил, и хотя вызвать его проблемы не составляло, срывать водителя с дарованного ему выходного, не придумав ничего путного, было как-то глупо. Несмотря на то что он и так у меня не

сильно напрягался. Уж так получалось, что в последние два года бóльшую часть времени я проводил вне Москвы — на Урале, в Сибири, в Казахстане или еще дальше — в Австралии или, скажем, Южной Африке. Вот и в тот день, когда я узнал, что с понедельника останусь без работы, я как раз прилетел из Йоханнесбурга...

Москва встретила меня слякотью. Я спустился по трапу, поживаясь и куртаясь в летний плащ. Не говоря уж о том, что Йоханнесбург расположен в более теплых местах, там сейчас вообще лето. Как и во всем Южном полушарии. Так что я быстро сбежал по трапу и нырнул в теплое нутро автомобиля. Паспортный контроль пассажиры VIP-бортов проходят сразу по приземлении еще в салоне самолета. Не все, конечно, но я уже давно входил в обойму тех самых «не всех», которым положены некоторые эксклюзивные привилегии. Летаю часто, вот и пришлось озаботиться расширением списка удобств. Правда, это потребовало определенных расходов. Но ведь деньги — всего лишь инструмент обустройства жизни, и не более.

— Добрый вечер, Алексей Андреевич, — поприветствовал меня в аэропорту Борис. — К Николаю Сергеевичу?

Я мотнул головой:

— Нет, устал, так что домой. С Колей завтра пообщаемся, в офисе.

Борис надавил на газ, помолчал некоторое время, а затем этак осторожно спросил:

— Так вы ничего не знаете?

Я удивленно воззрился на его затылок:

— О чем?

— Так ведь Николай Сергеевич умер.

— Кто? — выдохнул я, почувствовав, как у меня сразу сел голос. — Коля? Когда?!!

— Да вы, наверное, как раз летели, — понимающе протянул водитель, — семь часов назад. Обширный инфаркт. Даже до больницы довести не успели.

Я некоторое время сидел, совершенно выпав из реальности, не в силах поверить, что Кольки больше нет, а затем очнулся и понял, что водитель мне что-то говорит.

— Что? — переспросил я.

— Совсем, я говорю, здоровый был, — повторил Борис последнюю фразу, — Гриша его только неделю назад на обследование к Павлу Александровичу возил. Так вроде все нормально было.

Гриша был Колькиным водителем, а Павел Александрович — владельцем клиники, в которой наблюдался весь высший менеджмент нашей компании. Если бы не только что услышанное известие, я бы усмехнулся: как всегда, обслуживающий персонал знает о руководителях все и еще немного. Я именно потому и не держу помощницу по хозяйству, предпочитая вызывать для уборки квартиры клининговые фирмы, а питаться в кафе и ресторанах, что не хочу, чтобы вся моя подноготная была в относительно широком доступе. То есть если кто *сильно* захочет узнать, конечно, не уберешься — в составе той же клининговой бригады вполне может какое-нибудь «око» прикатить. Но я ничего серьезного дома не держу, так что это, скорее, попытка сделать так, чтобы детали моей личной жизни не обсуждались хотя бы в очереди в кассу ближайшего супермаркета.

— ...А едва мы в офисе узнали, что Николая Сергеевича больше нет, так сразу *эта* нарисовалась.

«Эта» — так Борис говорил о Колькиной бывшей. Угораздило же Кольку в свое время попасться на удочку одной из «ищущих». Впрочем, что к чему, он понял довольно быстро и выкинул эту дамочку пинком под зад. Но вот ребенка заделать ей успел, в итоге у *этой* появился вполне легальный повод тянуть из Кольки деньги, что она и делала с виртуозным искусством. Если бы не Сергей Никанорович, Колькин отец, анекдот о том, что женщина способна сделать из мужчины миллионера в том случае, если он до этого был миллиардером, у Кольки воплотился бы в жизнь на сто процентов. Ну, почти. С учетом того, что миллиардером Николай так и не стал... Сергей Никанорович сказал: «С семейными делами разбирайся сам, в это я лезть не буду, но угробить компанию не позволю». И был вполне в своем праве — без связей отца Николаю никогда не удалось бы встать на ноги.

Узнав о ребенке, Николай даже попытался помириться с бывшей, он всегда говорил, что ребенок должен расти в семье. Но бывшая уже захомотала очередную «дойную корову», причем с намного более низким IQ. То есть нашла богатого, но тупого. В то время такие еще встречались... Короче, такого, который сумел быстро раскрутиться и срубить бабла, а вот потом, вместо того чтобы пахать, предпочел кидать понты и в свободное от сего занятия время прожигать жизнь на Канарах, в Куршевеле или Доминикане. Естественно, надолго этого типа не хватило. Они все рано или поздно ушли — кто под могильную пли-

ту, кто обратно в продавцы семечек. Но к тому моменту второй подбородок у *этой* только-только наметился, а слегка округлившаяся фигура, на которую Коля в свое время и клюнул, еще не вышла за пределы параметров моделей, которые используют производители нижнего женского белья. Так что еще один «нормальный мужик» отыскался довольно быстро. Когда же деньги кончились и у этого, а под нижней челюстью у бывшей благоверной отвисло уже даже не два, а три подбородка, стало поздно. На ее счет Коля никаких иллюзий не питал, и за прошедшие четырнадцать лет она успела сделать из сына свое мелкое подобие. Парень прекрасно разбирался в марках модных домов, знал наперечет все самые крутые курорты и умел виртуозно раскрутить «папика» на очередной денежный транш, но к своим нынешним двадцати годам делать ничего не желал категорически — ни учиться, ни развиваться, ни заниматься хоть чем-нибудь. Коля предлагал сыну вложиться в любое дело, куда он только захочет — хоть в модный дом, хоть в автодилерство, — но тот лишь кривил губы и с бесившим любого нормального человека апломбом заявлял, что работают одни лохи, а папик ему просто по жизни обязан, поскольку-де бросил во младенчестве, чем несказанно ранил его тонкую и нежную душу, так что пусть не дурит и отстегивает бабло. А он согласен только на то, чтобы умастить свою тугую, обтянутую модными джинсами от «Дольче и Габбана» попку в самолетное кресло бизнес-класса (а чё, как лох, в экономе летать, что ли, да и задница в экономе уже не умещается) и мотануться позажигать на Ибицу. Ну или еще куда «в

нормальное место». Травмированную душу малёха полечить...

Коля при любом упоминании о сыне мрачнел, накатывал стакан чего покрепче, но в запой не уходил и таблетки горстями не жрал, продолжая, впрочем, регулярно отстегивать солидные суммы на «содержание ребенка». Когда умер Сергей Никанорович, *эта* заявила на поминки и, никого не стесняясь, устроила жуткий скандал, требуя «уважать права ребенка, который только что потерял любимого дедушку». Ну, насчет любви она ни разу не угадала. Не было там никакой любви. Наоборот, Сергей Никанорович как-то даже заявил: «Я стыжусь, что в этом говне есть доля моей крови». Он вообще был суровый мужик, из настоящих, даже фронт зацепил, успев отвоевать два года «сыном полка». Когда мы с Колькой решили покинуть ряды нашей «непобедимой и легендарной», отец ему такой скандал закатил... Колька потом два месяца сигарету за сигаретой смолил, приходя в себя... Так что *этой* там ничего не обломилось. Даже увеличения ежемесячного содержания. Тем более что доля Сергея Никаноровича, составляющая ровно пятьдесят процентов, отошла даже не Николаю, а в какой-то непонятный фонд, образованный такими же, как Колькин отец, суровыми мужиками, из тех, кто вынес на своем хребте и войну, и атомную бомбу, и рывок в космос, при том до сих пор не продал себя, ничего не забыл и не простил. Никому. Но это я после узнал. А тогда я даже предложил Николаю прощупать, что там за фонд и как насчет восстановить справедливость. Но Колька меня оборвал: «Не лезь, Леха, там очень серьезные люди. Да и по справедливости всё. Ты что

думаешь, те связи и деньги, на которые мы раскручиваться начали, они на нас из воздуха свалились?..»

Короче, тогда *эта* с ее крысенком ушла несолоно хлебавши. Значит, сейчас она землю рыть будет. Я вздохнул. Это ж в каком говне мне теперь бултыхаться...

— Ну так куда ехать? — вновь подал голос Борис.

Я поразмыслил, а затем махнул рукой:

— Все равно домой. Если бывшая Колькина уже в офисе сумела отметить, значит, и в доме у него тоже она хозяйничает.

— Так она же еще в наследство-то не вступила, — удивился Борис.

— И что, — хмыкнул я, — думаешь, это ее остановит?

Мой водитель на пару мгновений задумался и нехотя согласился:

— Это — да. — Но буквально через минуту снова и этак вкрадчиво спросил: — Так это что ж, теперь она со своим крысенышем в компании рулить будет?

А я озадачился. И действительно, как мне теперь выстраивать отношения с совладельцами? О моей к ней антипатии Колькина бывшая осведомлена отлично. И потому сразу же начнет меня из фирмы выживать. Нет, какое-то время я потрепыхаться могу. И даже вообще удержать власть. Представители того фонда, которому отошла доля Колькиного отца, на всех собраниях акционеров вели себя адекватно, так что перетянуть их на свою сторону — вполне реальная задача, но дальше-то что? *Эта* с отпрыском теперь фактор непреходящий, си-речь постоянный. Как больной зуб — ноет, гниет, запах изо рта от него, как из по-

мойки... Нет, и так люди живут. Когда другого выхода нет. Но у меня-то не такой случай. А если...

И в этот момент, не дав пришедшей в голову мысли окончательно оформиться, зазвонил мой смартфон. Я выудил его из «кобуры», бросил взгляд на экран и скривился. Да уж, помяни черта... Я несколько мгновений изо всех сил боролся с желанием нажать на «отбой», но затем все-таки поднес НТС к уху:

— Да?

Когда через пять минут я уступил уже ставшему непреодолимым желанию и отключил телефон, сразу почувствовал облегчение — и не только потому, что разговор закончился. Звонил крысеныш. Впрочем, шумное дыхание и визгливые советы его мамочки, обретавшейся где-то рядышком с ним, тоже были вполне себе слышны в динамике. Так вот, как только мне с непередаваемым апломбом сообщили, что согласно час назад оглашенному завещанию и в соответствии с требованиями законов Британских Виргинских островов сын усопшего вступил в права наследования и теперь уведомляет меня, что со следующего понедельника компания его отца более не нуждается в моих услугах, сквозь злость и досаду проступило самое настоящее облегчение. Облегчение от того, что все решилось без меня и что мне не надо терпеть этот гнилой зуб...

Следующие два дня я провел относительно спокойно, подбивая бабки, аккуратно, чтобы комар носа не подточил, составляя отчет о последней командировке и просматривая накопившиеся за время моего отсутствия бумаги на предмет подчистить хвосты. Дабы после моего ухода у *этих* не осталось бы оснований

обвинить меня хоть в чем-то серьезном. Нет, в том, что такое желание у них появится, я даже не сомневался. Но для того чтобы это желание воплотилось в опасных для меня действиях, им придется очень и очень постараться. И сейчас я все делал для того, чтобы любые их старания пропали втуне. Кое-что уничтожал, кое-что копировал. Конечно, ничего такого, что могло бы нанести ущерб фирме, я не делал. Кто его знает, как жизнь повернется? Земля-то, она круглая. Может, через какое-то время все переменится и я вернусь в покидаемое кресло. И вообще, я же — не они, делать гадости из простого стремления кому-то нагадить не привык. Да и запахло как-то было своими руками разрушать то, что мы с Колькой вместе создавали почти двадцать лет. На это и без меня ручки найдутся... Но вот прикрыть задницу на случай, если крысеныш с мамашкой решат мне отомстить и пойдут на прямой подлог, я постарался.

Новые совладельцы меня в это время не беспокоили. Хоть основные активы нашей фирмы зарегистрированы в офшоре и по законам упомянутых островов сынок в права, может, и вступил, основные финансовые операции фирма осуществляет все-таки в России и те же договоры аренды офисов заключены именно здесь и нашими российскими «дочками». А согласно российским законам вступить в права наследования всего движимого и недвижимого имущества и зарегистрированных в России активов можно только через полгода после смерти правообладателя. Так что мне достаточно было отдать распоряжение Виктору, главе нашей службы безопасности, при появлении поименованных мною

лиц гнать их в шею — это обеспечило мне вполне рабочую атмосферу. Виктору удержаться на своем месте при новых хозяевах никак не светило, поскольку он не раз по приказу Кольки выбрасывал *эту* из офиса, когда она пробиралась внутрь и пыталась с помощью очередного скандала раскрутить бывшего на оплату какого-нибудь очередного счета из бутика или одиннадцатой за год поездки «мальчика с мамой» в Ниццу, потому что «мальчик так устал, так устал и ему надо немного развеяться». В общем, мое распоряжение Виктор выполнил спокойно и даже с удовольствием.

Потом были похороны, на которых его крепкая фигура так же отпугнула «сладкую парочку» от моей тушки; поминки, где я поприблизился всего двадцать минут, потому что уже через десять меня стало тошнить от притворных слез «родственницы покойного». А затем мне снова позвонил крысеныш и заявил, что решил купить у меня долю в фирме. Я вежливо поинтересовался, на какие шиши. И получил в ответ пространное рассуждение в духе «честного отъема денег» незабвенного Остапа Бендера. То есть я передаю ему мою долю, а он взамен предоставляет мне некие гарантии, которые гарантируются некими другими гарантиями, в свою очередь предоставляемыми «чрезвычайно надежным иностранным банком» — названия он мне в настоящее время сообщить не может, потому что-де переговоры еще продолжаются и он связан обязательством сохранять коммерческую тайну.

Ну почему идиоты всегда считают остальных людей глупее себя? Это что, первый отличительный признак любого идиота? Нет, *зачем* ему мои одиннадцать

процентов, мне было совершенно понятно. С теми тридцатью девятью, которые отошли крысенышу после смерти отца, он против мужиков из фонда никак не тянул. Единственное, на что он был способен при таком раскладе, — это гадить. Причем мелко. Ибо, насколько я понял насчет учредителей этого фонда, гадить по-крупному они никому не позволят. А вот когда у них с крысенышем будет баш на баш, вот тогда... у него тоже ничего не получится. Точно. Но вбить эту простую мысль в его тупую башку было нереально. Так что я молча выслушал все, что он мне там наболтал, а затем тихо, спокойно и не торопясь разложил крысенышу всю ситуацию. Во-первых, по текущему курсу мои одиннадцать процентов стоят чуть больше девятисот сорока двух миллионов рублей. Во-вторых, я очень сомневаюсь, что он способен эти деньги найти. Ну не дают таких сумм борзым придуркам без какого бы то ни было опыта в бизнесе. Разве что для того, чтобы развести их на бабло и кинуть. Вследствие чего вопрос продажи своей доли именно ему я даже не рассматриваю. В-третьих, если он вдруг вздумает попытаться сыграть на понижение, то я ему в этом никак препятствовать не собираюсь. Потому что я-то как раз способен найти достаточно денег, чтобы выкупить хоть всю его долю. Что в этом случае непременно и сделаю. Таким образом, дальнейший разговор считаю совершенно бессмысленным...

Положил трубку, а потом несколько минут сидел, зло пялясь на телефон и молча страдаю. Вот была налаженная, интересная жизнь. Не сказать чтобы спокойная, но привычная. Еще ведь пять дней назад я был твердо уверен, что у ме-

ня все в порядке. Что все нормально. Что ничего экстраординарного никогда не случится. И что единственное, чем меня можно прижать, — это политико-экономические игры типа рухнувшего курса рубля и тому подобных подлянок наших горячо обожаемых властей. Да и то нищим, как, скажем, мои старики после отпуска цен в 1992-м, я не останусь. И вот на тебе! А самое-то гнусное — власти тут совершенно ни при чем. Даже президента с премьером обругать не за что...

Эх, Коля, Коля, как же тебя угораздило? Ведь со школы вместе. Вместе поступали в Тбилиси в военное училище. Вместе четыре года таскали на горбу заряды для Д-30 и банили во время ПХД длиннющий ствол МТ-12. Даже взводы получили по окончании училища в соседних батареях. Вместе и ушли из армии, когда она начала превращаться непонятно во что. Вместе поднимали с нуля бизнес в лихие девяностые. У меня с тех времен дырка в левом плече, а ты полгода с катетером ходил, пока тебе из брюха пулю не извлекли... И что теперь? Все, что мы с тобой создали, теперь псу под хвост пойдет...

В пятницу я закончил последний отчет и положил ключ от кабинета на стол Тиночке. Моя секретарша подняла на меня полные слез глаза и прошептала:

— А вы от нас совсем-совсем уходите?

Тиночка тоже была из «ищущих», но в отличие от большинства таковых к своим обязанностям относилась вполне добросовестно. А у меня принцип еще с училища: там, где служу или работаю, — ни-ни. Лет сорок—пятьдесят назад еще можно было подобным образом «крепить единство труда и капитала», а в на-

ше время это ой как чревато. Несмотря на то что в массовом сознании имеется твердое убеждение, что все начальники всюю пользуются своих секретуток... Секретарша — это же как жена. Даже хуже! Ты же все время у нее на глазах. И она про тебя и твой бизнес знает едва ли не больше, чем любой другой сотрудник. Ну ладно, трахнул ты ее, а дальше-то что? А дальше, мил-человек, только долгие и верные отношения. Иначе никак. Потому что если она вдруг тебя взревнует или просто на тебя разозлится, то столько вреда тебе нанести сможет, сколько сам Джеймс Бонд, поручи ему кто работать против тебя, никогда не нанесет. Наносилки не хватит... Так что у нас с Тиночкой были отношения «вооруженного нейтралитета». То есть мне время от времени демонстрировались новые вооружения типа самых модных оттенков помады, крайне эротичных кофточек и очередной супермини-юбочки шириной где-то в стандартный солдатский ремень, а я стойко держал оборону...

— Кто знает, — грустно улыбнулся я. — Неисповедимы пути господни.

На выходные я махнул в Яхрому покататься на горных лыжах — больше для того, чтобы нагрузить мышцы и хотя бы физической усталостью вытеснить из головы невеселые мысли. А сегодня, в понедельник, проснулся, как обычно, без пятнадцати семь...

Итак, надо было придумать, чем занять день. Ну и вообще, как жить дальше. Нет, деньги у меня были. Даже и без продажи моей доли в компании у меня было достаточно средств, чтобы вести жизнь бездельника-рантье. То есть кататься по курортам, покупать одежду

модных фирм, содержать машину с водителем — короче, заниматься тем, о чем так мечтают любые «ищущие» дамы. Но я-то ведь не они. Я — профессионал. Причем такого уровня, каких на планете всего-то десятков пять-шесть отыщется. А в стране — и вообще двое-трое. И пусть я профессионал в очень узкой области, зато в ней я — корифей. Разбуди меня посреди ночи и задай вопрос по деятельности любой крупной или средней горно-рудной компании или даже мелкого рудника, производящего какой-нибудь уникальный продукт, на территории от Тасмании до мыса Нордкап — я отвечу. И выложу подробности, начиная с уровня рентабельности конкретного рудника и кончая подтвержденными рудными запасами и перспективами развития. И что мне теперь со всем этим делать? Рабочих мест под профессионалов такого класса в отрасли тоже два-три, и все они заняты как раз этими двумя-тремя, которые ничем меня не хуже. Уехать за границу? Так и там меня никто не ждет. Да и неохота на дядю Сэма или на лаймов пахать. Нет у меня по отношению к ним никакого пиетета, только настороженность. Колькин отец как-то нам очень понятно всю мировую политику разложил. Кто, где, зачем и в чем виноват. И про обе мировые войны, и про движения капиталов, и про то, как лаймы придумали систему международных конференций, чтобы обесценивать любые победы и сохранять необходимые им очаги международной напряженности. Как раз после Наполеоновских войн все и началось. До того воевали честно, и победы были победами, а поражения — поражениями. А вот с 1815 года лаймы начали использовать новую тактику, влезая

в любую заварушку, причем в самом конце, когда обе стороны обескровлены, и переиначивая *уже заключенные* договоры к собственной выгоде — как, например, это произошло после последней русско-турецкой войны. И в Первую мировую они попытались действовать таким же образом. Так, еще 1 августа, когда Германия объявила войну России и немецкая армия уже вошла в Люксембург, англичане заявили, что, если немцы ограничатся наступлением на востоке, то есть в России, а на западе, в Бельгии, займут лишь ближайший к Люксембургу «угол» этой страны, а не побережье, Великобритания останется нейтральной. Короче, много он нам тогда понарасказывал. И не только тогда. В итоге то, что мы с Колькой знали еще с младых лет, с училища или даже чуть раньше, но как-то так, на уровне ощущений, неосмысленно, после бесед с Сергеем Никаноровичем становилось ясным и четким убеждением.

Поэтому обойдутся англосаксы без меня. Враги они, и этим все сказано. Но вот чем мне все-таки заняться, я себе не представлял и потому чувствовал себя кем-то типа музыканта-виртуоза, способного раскрыть весь свой потенциал с помощью уникальной скрипки, сотворенной руками гения вроде Страдивари или Гварнери, но в настоящий момент лишенного доступа к великолепному инструменту. И тут мой смартфон, который я бездумно гонял по столику в кафетерии, внезапно зазвонил...

К рейсу на Пулковое я успел, даже не потревожив Бориса. Оказывается, у девочек на стойке имелось несколько визиток приличных московских такси, одно из которых они мне и вызвали, заслу-

жив сим мои щедрые чаевые. Так что до аэропорта я доехал хотя и без привычного комфорта, но достаточно быстро... Ну да не баре, чай, прирожденные, когда-то и в кузове сто тридцать первого «ЗИЛа» поехать пришлось, и на плащпалатке, постеленной на нарубленный лапник, всем отделением ночевать. Тем более что этот внезапный звонок дал мне надежду на то, что я... получу-таки доступ к уникальному инструменту, с помощью которого мне удастся раскрыть весь накопленный мною за столько лет потенциал.

В Пулкове меня уже ждала машина — из того самого фонда, который владел половиной моей бывшей компании. Потому что слова, которые заставили меня сорваться с места и рвануть в аэропорт, были произнесены исполнительным директором фонда:

— Алексей Андреевич, я узнал, что после столь опечалившего нас всех события вы покинули пост старшего управляющего вашей прежней компании и сейчас не связаны никакими обязательствами.

— Да, это так, — осторожно сказал я. Управляющего я узнал по голосу; впрочем, он сразу же представился.

— А вы не могли бы подъехать к нам, в Питер, на предмет разговора о возможном сотрудничестве?

Я задумался.

— Извините, но я не понимаю, чем мог бы вас заинтересовать. Мои знания и навыки лежат в довольно специфической сфере, а вы — организация достаточно многопрофильная, и насколько мне известно, в той области, в которой я мог бы оказаться вам полезным, у вас имеется только один бизнес. А именно — та са-

мая компания, в которой я еще недавно работал.

Исполнительный директор хмыкнул: — Какой вы информированный. Вот об этом мы и хотели с вами поговорить. А чтобы усилить ваш интерес, сообщаю, что нас совершенно не устраивает новое руководство вашей бывшей компании, поэтому мы рассматриваем вопрос раздела активов и организации на базе тех, что отойдут нам, новой компании сходного профиля. Об этом мы и собираемся поговорить с вами по всему интересующему как нас, так и вас кругу вопросов.

Следующую неделю я провел в Питере. Я и ранее знал, что фонд контролируют довольно серьезные люди, но насколько они серьезны, понял только сейчас. Или я чего-то не догоняю, или пресловутые «деньги партии» все-таки никуда из страны не ушли и распоряжаются ими по-прежнему очень умелые люди... Нет, никаких преференций мне не предложили. Более того, те мои одиннадцать процентов в старой фирме, которые я согласился вложить в новую компанию, делали меня в ней совсем уж миноритарным акционером. Зато перспективы! Вы не представляете, насколько круто все затевалось...

Сами переговоры прошли относительно быстро. А затем я на неделю засел в выделенной мне в здании фонда комнатке с биржевым терминалом и безлимитной телефонной линией, готовя разделение активов. Крысеныш позвонил мне трижды. Первые два раза неуклюже пытался все-таки раскрутить меня на продажу моей доли, а на третий поднял визг по поводу того, что я подлый рейдер и отбираю у него кровный бизнес.

Значит, и до него слухи уже добрались. Еще дважды звонила бывшая Колькина благоверная и грозила неизвестно какими связями и очень важными покровителями. Ох и уроды...

К выходным анализ ситуации с активами был закончен, и с понедельника должен был начаться процесс «развода». Основные переговоры планировалось провести здесь, в фонде, так что я полюбому должен был в понедельник снова быть в Питере. И я решил никуда не уезжать (тем более что в Москве меня никто не ждал), а избыток адреналина сбросить конной прогулкой. Лошадьми я увлекался уже лет восемь, даже держал пару в платной конюшне в Битце, но года три назад, когда мы с Николаем основательно вышли на международный уровень, вынужден был их продать. Лошадь ведь не машина, а живое существо, ей мало обеспечить теплую конюшню и сбалансированное питание — ей нужны регулярная выездка, чистка и время от времени сахарок или морковка на твоей собственной ладони. А если ты этого обеспечить не можешь, так нечего мучить благородное животное. Ну а я в то время не вылезал из командировок.

Где располагается ближайшая от отеля конюшня, я уточнил на ресепшене. Впрочем, вполне возможно, это была не ближайшая, а просто единственная известная мальчику за стойкой или самая крутая, которую он полагал приличествующей столь важному постояльцу — я же обосновался в двухкомнатном съюте... Короче, причины того, почему я приехал именно на эту конюшню, могли быть разные, но поскольку она меня не разочаровала, мне на них было наплевать.

Конюшня располагалась на территории дворцовой усадьбы. Прокатные кони здесь были вполне приемлемыми. Я выбрал каурого жеребца-четырёхлетку по кличке Прыгун. Погрев его короткой рысью, свернул в дворцовый парк и, проехав минут десять неспешным шагом, дал шенкеля, пробуя галоп. Прыгун легко набрал темп. Я радостно вздохнул, вспоминая своего Репетира. Тот, конечно, был заметно лучших кровей, но после долгого перерыва мне хватало и Прыгуна. И вообще настроение было — зашибись! Так что даже захотелось слегка пошалить. Прикинув толщину снежного покрова, я свернул с парковой дорожки и пустил коня галопом прямо по белой целине. Несмотря на прокатную судьбу, Прыгун оказался прилично обучен — мне удалось пару раз послать его через шпалеры кустов, которые он преодолел вполне достойно.

Меня переполнял восторг. Еще работая в нашей с Николаем фирме, я столько раз локти кусал, видя, как утекают мимо меня уникальные шансы. Эх, если бы мне были доступны необходимые финансовые средства... да что там — я бы согласился и на то, чтобы те сделки, возможности которых я вычислил в своей голове, реализовал кто-нибудь другой, уж больно интересный получался результат. Но наша компания никогда не относилась к гигантам рынка, так что приходилось лишь вздыхать, рассматривая очередную биржевую сводку. Да если честно, не только в начале, но и году на десятом—одиннадцатом деятельности нам частенько приходилось изворачиваться, чтобы обеспечить финансирование наиболее перспективных сделок даже на нашем уровне. При жизни Колькиного

отца с этим было полегче, иногда Сергею Никаноровичу достаточно было сделать один звонок — и наши проблемы мгновенно находили как минимум приемлемое решение. Но и потом, после того как он нас оставил, мы научились выкручиваться, поскольку успели наработать кое-какой авторитет. Однако с теми финансовыми потоками, доступ к которым мне пообещали предоставить в фонде, я... мы... мы заткнем в задницу даже австралий... кхм, это я замахнулся. Австралийцев в ближайшие лет десять никто точно никуда не заткнет, но вот с компаниями из Латинской Америки или южноафриканцами мы вполне сможем пободаться. А уж в Европе... Я на секунду довольно зажмурился. Всё, ребятки, кончилось ваше время. Нет, единолично диктовать цены рынку мы, конечно, не сумеем, но вот войти в пул тех, кто этим занимается, — запросто. Что ж, я не стал генералом и не покомандовал тысячами орудийных стволов, как мечталось когда-то в юности, но, убей бог, этот мир вскоре услышит залпы новых русских «орудий»! И я буду не я, если ему не придется вновь начать считаться с этой нашей артиллерией!

Впереди замаячила новая шпалера кустов, и я бросил Прыгуна в галоп. Посыл — и сразу же за кустами возникла черная блестящая крыша навороченного джипа марки «Крайслер». У меня еще промелькнула мысль, что, мол, точь-в-точь как у крысеныша. Тот очень уважал Америку во всех ее проявлениях... Блин! И какой идиот въехал сюда на машине? Здесь же прогулочные дорожки! Я выматерился, пытаюсь шенкелями и уздой хоть как-то развернуть Прыгуна прямо в полете, но все было тщетно — он летел

прямо на крышу. Удар копытами. Прыгун оттолкнулся. Ну!!!

Чуда не случилось. Конь зацепился за обрез крыши задними бабками, ударился, заржал, но... перевалил-таки через джип. И даже умудрился приземлиться на все четыре ноги, хотя, судя по мучительному ржанию, это приземление обошлось ему дорого. Я натянул поводья, останавливая захромавшего скакуна и собираясь спешиться, дабы посмотреть, что с ним случилось, ну и заехать по одной наглой морде, как вдруг водительская дверца джипа распахнулась и оттуда вынырнула упитанная харя крысеныша. Он был одновременно испуган и зол.

Я ощерился. Вот это встреча! Ой как вовремя! Ну он сейчас у меня...

Но я ошибся. Ведь знал же, как опасно недооценивать идиотов! А крысеныш оказался куда большим идиотом, чем я думал. Похоже, в его мозгах, вскипевших от того, что его, вот такого умного, хитрого, уникального и элитного, кто-то посмел послать далеко и надолго, не могло родиться никаких идей, кроме тех, на которых построены сюжеты низкопробных американских криминальных боевиков и их жалкого отечественного подобия типа всяких там «Воров в законе». Едва парень узнал меня, его жирная харя исказилась в убогой голливудской гримасе, и он потянул из-за пояса дебильный блестящий пистолет размером с туристический топорик — совсем как у тех самых негров из уже упомянутых американских криминальных боевиков... Только такому полному идиоту могло прийти в голову расправиться со мной лично, да еще из такого приметного оружия и — до кучи — приехав на место ак-